

Языковой сдвиг и грамматика: падежи в удэгейском языке

Е. В. Перехвальская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
elenap96@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3976-8661

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ употребления падежей в двух диахронических разновидностях удэгейского языка: в традиционном удэгейском, не испытавшем влияния доминирующего русского языка, и в современном удэгейском, прошедшем все этапы языкового сдвига: от аттриции до почти полной утраты языка.

Рассматриваются функции падежей в традиционном варианте удэгейского. Особое внимание уделяется разграничению значений падежей, близких по значению. Анализируется употребление падежей в современных вариантах удэгейского языка. Показано, что употребление падежей в современном удэгейском во многом копирует употребление падежей в русском языке.

Ключевые слова: удэгейский язык; падежная система; функции падежей; языковой сдвиг; калькирование.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Language shift and grammar: Cases in Udihe

Elena V. Perekhvalskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); elenap96@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3976-8661

Abstract. The article presents a comparative analysis of case use in two diachronic varieties of the Udihe language: in the traditional Udihe before it had experienced significant influence of the dominant Russian language, and in modern Udihe

which has gone through all stages of language shift from attrition to an almost complete loss of the language.

The first section considers in detail the functions of cases in the traditional Udihe. An attempt is made to identify the invariant meaning for most of the cases, and an overview of the types of original case meaning expansion is provided. Particular attention is paid to the distinction between the three Udihe cases that express closely related spatial meanings (the Directive, Locative and Dative cases).

In the second section, the use of cases in modern Udihe variants is considered. Written texts, including translations from Russian, are analysed. It is shown that in modern Udihe the traditional Udihe cases have been brought into line with Russian cases or, in separate instances, with a specific function of a particular case. The result is that the use of cases in modern Udihe largely copies the use of cases in Russian.

The analysis was conducted on the basis of a representative Udihe corpus of over 53 000 words. The bulk of the corpus were texts recorded in the 1920s–1960s that provided a snapshot of the traditional Udihe.

The article addresses the functions of grammatical cases in Udihe and identifies what specific cases are most frequently found with certain verbs. At the next stage, the study compares the use of cases in the traditional vs. modern Udihe, taking into account that the latter has experienced strong Russian influence. It is shown that the modern Udihe differs significantly from its old version as documented in the 1920s–1960s, with the differences pervading all linguistic levels from grammar to lexical semantics.

Keywords: Udihe; Language contact; case system; functions of cases; language shift.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

Грамматический падеж — это сложная грамматическая категория, которая сочетает в себе синтаксическую функцию и/или указание на семантическую роль слова в предложении. Современная лингвистика отказалась от некогда существовавшего деления падежей на функциональные и пространственные или синтаксические и семантические, поскольку большинство падежей многих языков

объединяют эти функции [Butt 2008]. Однако традиционные названия падежей (например, дательный, местный и т. д.) навязывают исследователю некоторые предвзятые представления о функциях конкретного падежа, что часто помогает получить общее представление о функциях падежной формы, но иногда может вводить в заблуждение.

В последнее время в русле лингвистической типологии были выявлены кластеры значений, типичных для определенных падежей, а также типичные тенденции расширения значения падежей, см. [Heine 2008: 466–467]. Как будет показано далее, удэгейский язык не всегда следует этим типичным тенденциям. Стоит также упомянуть, что в тунгусо-маньчжурских языках, включая и удэгейский, имеются падежи, необычные по поведению и функциям [Malchukov 2008].

1.1. Методология и источники

В статье проанализировано использование падежей в аннотированном корпусе удэгейских текстов. Корпус содержит около 53 000 слов. Основная часть корпуса — тексты, записанные в 1920–1960-е годы и отражающие традиционный вариант удэгейского. Это:

- тексты на самаргинском диалекте (26 500 слов), записанные в 1936 году Е. Н. Баскаковой [Baskakova];
- сборники текстов на анюйском [Anuj] и хорском [Shneider] диалектах — 6700 слов, опубликованные Е. Р. Шнейдером;
- учебник удэгейского языка Minti oꝞofi [MO], подготовленный в начале 1930-х гг. при участии студентов-удэгейцев — 3500 слов;
- тексты, собранные в 1960-х годах в разных территориальных группах И. В. Кормушиным [Kormushin] — 10100 слов;
- тексты, опубликованные М. Д. Симоновым, В. Т. Кялундзюгой и М. М. Хасановой [Folklor], — 1200 слов;

— полевые материалы автора, собранные в 1982–2002 гг. в пос. Красный Яр [КҮ].

Меньшая часть корпуса содержит современные тексты: 1800 слов взяты из художественных текстов: из автобиографической повести А. А. Канчуга [Kanchuga], а также из переводов с русского языка на удэгейский, выполненных А. А. Канчуга [Канчуга.МП] и Н. И. Андреевой [Андреева].

Все тексты были отгlossированы в формате Toolbox, тексты Баскаковой также переведены на русский язык.

Были изучены функции падежей удэгейского языка, а также выяснено, с какими глаголами чаще всего сочетаются конкретные падежные формы. Следующим этапом исследования было сравнение использования падежей в «традиционном» удэгейском и в современных вариантах этого языка, который подвергся значительному влиянию со стороны русского.

1.2. Название, генетическая принадлежность, распространение

Официальное название — удэгейский язык. До 1920-х гг. удэгейцы не имели общего самоназвания, использовались родовые имена, происходящие обычно от названия реки, где жил тот или иной род. До 1920-х гг. в официальных документах удэгейцы и орочи именовались орочонами. Этимология этого этнонима является спорной. Ранее предполагалось, что он восходит к общетунгусскому **oron* ‘домашний олень’, хотя ни удэгейцы, ни орочи не были оленеводами. А. М. Певнов и ряд других исследователей не поддерживают данную этимологию. С. М. Широкогоров [Shirokogoroff 1944: 210] предлагал возводить этноним *oročēn* (в русской адаптации орочон) к слову *oron* ‘место’ (представлено в маньчжурском и солонском): таким образом, данный этноним означает ‘житель данной местности’; эта этимология поддержана в [Певнов 2020].

Этноним *udihe*, возможно, восходит к старому маньчжурскому термину *weji aiman* ‘лесной народ’, который относился не только

к предкам удэгейцев, но, по-видимому, ко всему коренному населению, проживавшему в пограничной зоне севернее Кореи и Маньчжурии. Элемент *udi-* в *udi-hə*, возможно, является когнатом маньчжурского *weji* ‘лес’ [Perekhval'skaya, Janhunen 2024: 326]¹.

Удэгейский относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье. Традиционно его помещали в южную подгруппу тунгусской ветви вместе с ороцким, нанайским, ульчским и орокским (см., например, [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). Однако некоторые лингвистические особенности сближают удэгейский (и ороцкий) с северной подгруппой, в первую очередь с негидальским языком. По мнению И. В. Кормушина [Кормушин 1998: 12], удэгейский — это северный тунгусский язык, на который значительное влияние оказали языки южной группы, особенно нанайский и ульчский. Такого же мнения придерживается и Ю. Янхунен [Janhunen 2012].

Удэгейский язык распространен в Хабаровском и Приморском краях Дальнего Востока России. Дialectы удэгейского языка выделяются, в первую очередь, на географических основаниях — каждой территориальной группе приписывался свой диалект. Исторически выделялись: кур-урмийский, самаргинский, анойский, хунгарийский, хорский, бикинский, иманский, приморский диалекты. Диалектные различия касаются в первую очередь фонетики (состав гласных) и лексики, в меньшей степени морфологии.

В 1930-е годы полукочевые группы удэгейцев стали оседлыми, их разместили в специально построенных постоянных поселениях. В советское время у удэгейцев не было своего национального района, поэтому по существовавшим в то время правилам языковой политики они не имели права на часы радиовещания или на страницу в местной газете. В настоящее время крупнейшими местами компактного проживания удэгейцев являются следующие поселки: Агзу (Тернейский р-н Приморского края), где удэгейцы составляют около 80 % населения, Гвасюги (р-н им. Лазо, Хабаровский край) — 65 % населения и Красный Яр (Пожарский р-н, Приморский край) — 55 % населения поселка.

¹ Более подробно об истории данной этимологии см. в [Певнов 2022], где предлагается также альтернативная этимология.

1.3. Социолингвистическая ситуация, языковой сдвиг

Удэгейцы — одна из самых малочисленных этнических групп России. Согласно последним переписям населения (1989, 2002 и 2010 годы), численность удэгейцев постоянно сокращалась с 1902 человек в 1989 году до 1496 человек в 2010 году. Они составляют незначительную часть населения не только в Российской Федерации в целом, но и в местах их традиционного проживания. В удэгейских поселках русский язык полностью доминирует во всех сферах общественной жизни; в смешанных семьях языком общения всегда является русский. Единственная сфера употребления, которая по-прежнему обслуживается преимущественно удэгейским языком — это шаманские обряды (удэгейцы не были обращены в православие).

Сокращение численности удэгейцев сопровождается еще более резким упадком использования удэгейского языка: по данным переписи 1989 года, по-удэгейски говорили 462 человека, в 2002 году — 227 человек, а в 2010 году — всего 103 человека. Однако и эти цифры представляются значительно завышенными.

1.4. Лингвистическая информация

Фонетика и фонология. Удэгейский язык занимает особое положение в тунгусо-маньчжурской семье во многом благодаря особенностям фонетики и фонологии [Зиндер 1948; Радченко 1988; Симонов 1988; Nikolaeva 2000; Перехвальская 2010]. В хорском и анюйском диалектах (северных) различаются четыре ряда гласных фонем: краткие, длинные, ларингализованные (смычные) и фарингализованные² (придыхательные); бикинский и иманский (юж-

² В данной статье длинные гласные обозначаются удвоением буквы, фарингализованные гласные — последовательностью AhA; ларингализованные — последовательностью 'A.

ные диалекты) различают три ряда гласных фонем: краткие, длинные и ларингализованные (подробнее см. [Perekhval'skaya 2022]).

Морфология. Удэгейский язык характеризуется агглютинацией в сочетании с элементами фузии в парадигмах глаголов. Корень, как именной, так и глагольный, всегда занимает крайнее левое положение в слове; за ним следуют деривационные и словоизменительные суффиксы, которые образуют цепочку, способную насчитывать до пяти или шести суффиксов (в случае глагольных форм).

Система глагола включает финитные и нефинитные формы. Глагол обладает грамматическими категориями времени, вида, наклонения, залога, полярности, лица и числа. Нефинитные глагольные формы (причастия, конвербы и номинализованные формы) выражают различные типы зависимых предикатов; причастия часто используются в качестве матричных предикатов. Помимо синтетических форм глагольная система содержит аналитические конструкции со вспомогательными глаголами. Глагольное отрицание представляет собой аналитическую конструкцию с отрицательным глаголом *ə-*, который присоединяет словоизменительные суффиксы.

Система личных местоимений различает инклюзивные и эксклюзивные формы множественного числа первого лица.

Существительные изменяются по падежам. Выражение числа является необязательным. Суффиксы множественного числа *-ziga* и *gətu* сочетаются в основном с существительными, обозначающими людей (реже животных). Глаголы, как правило, используют формы 3 л. мн. ч. только в сочетании с существительными, обозначающими людей или животных. В сочетании с существительными, обозначающими предметы, растения, явления природы и т. д., выступают формы единственного числа. Множественное число не используется при наличии кванторов.

Синтаксис. Основной порядок слов S O V. В сложных предложениях предикат зависимого предложения выражается нефинитными глагольными формами. Независимые клаузы объединяются при помощи энклитических частиц. Притяжательные конструкции характеризуются вершинным маркированием.

Основной словарь удэгейского языка представлен исконной лексикой тунгусо-маньчжурского происхождения. Она отражает традиционную полукочевую жизнь удэгейцев, их основные занятия (охота и рыболовство), ремесла, верования. Имеется заметное количество заимствований из маньчжурского, монгольского, китайского и русского языков.

2. Система падежей удэгейского языка

2.1. Типы парадигм

Система падежей в удэгейском языке включает в себя 9 падежей; существует три типа парадигм: обычная, лично-притяжательная и возвратно-притяжательная. В личных притяжательных парадигмах существительные присоединяют личные притяжательные аффиксы; возвратно-притяжательные падежные формы присоединяют возвратные суффиксы: ед. ч. *-i*, *-mi* (назначительный падеж); мн. ч. *fəi* (*-fi*).

Таблица 1. Система падежей удэгейского языка

Table 1. The Udihe case system

Падеж	Обычная парадигма	Лично-притяжательная парадигма	Возвратно-притяжательная парадигма
Именительный	<i>tada</i> 'стрела'	<i>tada-ni</i> 'его стрела'	
Винительный	<i>tada-wa</i>	<i>tada-wa-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-i</i>
Дательный	<i>tada-du</i>	<i>tada-di-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-di-i</i>
Инструментальный (Творительный)	<i>tada-zi</i>	<i>tada-zi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-zi-i</i>
Местный	<i>tada-la</i>	<i>tada-la-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-la-i</i>
Отложительный	<i>tada-digi</i>	<i>tada-digi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-digi-i</i>

Падеж	Обычная парадигма	Лично-притяжательная парадигма	Возвратно-притяжательная парадигма
Направительный	<i>tada-tigi</i>	<i>tada-tigi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-tigi-i</i>
Продольный	<i>tada-li</i>	<i>tada-li-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-li-i</i>
Назначительный		<i>tada-na-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-na-mi</i>

2.2. Функциональные и пространственные падежи

В удэгейском, как и в большинстве языков мира, грамматические падежи сочетают в себе различные функции, в том числе синтаксическую и семантическую, см. *Таблицу 2*.

Таблица 2. Функции падежей удэгейского языка

Table 2. The functions of Udihe cases

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения ³	Другие семантические функции
Именительный	—	подлежащее; именная часть сказуемого; именная часть послеложной конструкции		

³ Подробнее о значении пространственных падежей в удэгейском языке см. в [Perekhval'skaya 2022a].

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения	Другие семантические функции
Винительный	<i>-wA</i> ⁴ <i>-mA</i>	прямое дополнение	место, где осуществляется направленное действие	с глаголами речи — передаваемая информация; бенефициант в конструкциях вспомоществования
Дательный	<i>-du (-di)</i>	агент в пассивных конструкциях; каузируемый при каузативных глаголах, производных от переходных	состояние покоя; точка во времени	реципиент; получатель в ситуации передачи; обладатель в конструкции владения; обстоятельство причины
Инструментальный (творительный)	<i>-zi</i>	участник совместного действия		орудие; материал; средство передвижения; обстоятельство
Местный	<i>-lA</i> <i>dulA</i> <i>(-dilA)</i>		локализация, движение до ориентира; точка во времени	источник информации, источник стимула при глаголе восприятия, с глаголами арифметических действий; причина.

⁴ Заглавная буква в суффиксах указывает на все сингармонические варианты данного суффикса: *-wA* → *-wa*, *-wə*, *-wo*.

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения	Другие семантические функции
Отложительный	-digi	стандарт сравнения в сравнительных конструкциях	движение от ориентира; начальная точка во времени	
Направительный	-tigi	адресат при глаголах речи и глаголах эмоциональной активности	направление, движения в сторону ориентира; конечная точка во времени	целое состояние при глаголах изменения
Продольный	-li (-duli)		движения вдоль или сквозь что-л.; через период времени	ориентир; инструкция
Назначительный	-nA			предмет, который появляется в результате произведения действия; будущий статус человека

2.3. Функции падежей в «традиционном» удэгейском языке

Именительный падеж

Именительный падеж не маркирован. Он используется как назывная форма существительного; кодирует субъект при переходных и непереходных глаголах; используется в предикативной функции

(обычно со связкой). В притяжательной и генитивной конструкциях обозначает обладателя или слово-определение:

- (1) *b'ata ŋala-zi-ni*
 мальчик рука-INSTR-2SG
 ‘рукой мальчика’

Именительный падеж используется в послеложных конструкциях (подкласс генитивных конструкций):

- (2) *zugdi doo-ni-ni*
 дом пространство.внутри-DAT-3SG
 ‘внутри дома, в доме’

Именительный падеж выступает также с глаголами *odo-* (*эдэ-*) ‘становиться’:

- (3) *Bua xiə-ni gaja-ni o-o-si*
 природа местность-3SG птица-3SG становится-PP-PC.SS
bi-mi=lə, cind'a-wa, siŋə-wə diga-mi bagdi-təizə.
 быть-GER=FOC птичка-ACC мышь-ACC есть-GER жить-DEL
 ‘В таежную **птицу** превратившись, будешь жить, питаюсь птичками и мышами’ [Baskakova.V.17.027].

Винительный падеж

Винительный падеж маркирован суффиксами *-wA* (основа на гласный) или *-mA* (основа на *-n*) в простом и лично-притяжательном типе склонения. В возвратно-притяжательном типе склонения винительный падеж совпадает с именительным (см. *Таблицу 1*).

Винительный падеж прототипически кодирует прямой объект (пациенс, цель, стимул и т. д.).

- (4) *Amba miti xaiŋa-wa-fi zawa-ini giəni.*
 Амба 1PL.INCL душа-ACC-1PL.INCL брат-3SG EVID
 ‘Нашу **душу** забирает злой дух’ [Анцј.10.001].

Если прямой объект неспецифичен или не определен, винительный падеж морфологически не маркирован независимо от одушевленности существительного.

- (5) *Ogbüö-Ø waa-ha-si ətə-gi-hə-ni.*
 лось-ACC убить-PP-PC.SS прийти-Rev-Pst-3Sg
 ‘**Лося** добыв, возвращался’ [Baskakova I. 03.003].

Винительный падеж также употребляется с глаголами речи, указывая на передаваемую информацию:

- (6) *Budə-i-gətu kajə-wə-ni ə-zəjə-i təlujusi.*
 умирать-PPR-COLL слово-ACC-3SG VNEG-FUT-1SG сказать
 ‘Я не предам (досл.: «не скажу») **слова** умирающих людей’
 [Baskakova IV.18.064].

С глаголом *bələsi-* ‘помогать’ обозначает бенефицианта:

- (7) *Asasa, sitə-i, aziga, minə-wə bələsi-a-hu.*
 спасибо ребенок-1SG девочка 1SG-ACC помогать-PST-2PL
 ‘Спасибо, сынок, дочка, помогли вы **мне**’ [Kormushin.32.158].

С некоторыми глаголами направленного движения винительный падеж указывает на то, где осуществляется это движение:

- (8) *Uta-digi bu Uni-wə sol'o-gi-go-u.*
 этот-AVL 1PL.EXCL Анюй-ACC плыть.вверх-REV-PRF-1PL.EXCL
 ‘Затем мы поднялись вверх **по Анюю**’ [Ануй.14.067].

Дательный падеж

Дательный падеж маркируется суффиксом *-du*. Когда за ним следует или ему предшествует *-i*, этот суффикс реализуется как *-di*: *xunazi-di-i* [сестра-ДАТ-REFL] ‘к своей сестре’. В составе некоторых послелогов последовательность *-du-ni* реализуется как *-ni-ni*:

- (9) *dəktugə doo-ni-ni*
 коробка пространство.внутри-ДАТ-3SG
 ‘в коробке (внутри коробки)’

Название этого падежа весьма условно, поскольку он сочетает разнообразные синтаксические и семантические функции. Как семантический падеж дательный выражает роль реципиента при дитранзитивных глаголах, таких как ‘давать’, ср. (10), с чем и связано его традиционное наименование. Однако в качестве синтаксического этот падеж кодирует а) агенса в пассивных конструкциях (11); б) каузируемого в каузативных конструкциях с переходными глаголами (12).

- (10) *Min-du omo gaa-wa bu-jə.*
 1SG-DAT один ветка-ACC давать-IMP
 ‘Дай **мне** одну веточку (черемухи)’ [Baskakova.III.04.202].
- (11) *Maŋga bi-mi **Bua-du** imi uu-hi?*
 сильный быть-GER Бог-DAT почему быть.убитым-2SG
 ‘Раз ты сильный (букв. «будучи сильным»), почему Бог тебя убивает (ты убиваем **Богом**)?’ [Kormushin.15.031].
- (12) *Uti nada **lusa-ziga-du** sugala-wa təti-wəŋ-ki-ni.*
 этот семь русский-PL-DAT лыжи-ACC надеть-CAUS-PST-3SG
 ‘Она заставила семерых **русских** надеть лыжи’ [Anui.06.017].

В пространственной функции дательный падеж обозначает место, где реализуется состояние или действие, привязанное к определенному месту:

- (13) *Xula doo-ni-ni zominzi diga-si-ə-ni cu'ai-wə.*
 одеяло внутри-DAT-3SG тайком есть-DUR-PST-3SG черемуха-ACC
 ‘Они тайком ели черемуху **под одеялом**’ [Baskakova.III.04.198].

Темпоральное использование дательного падежа является расширением его пространственного значения: *ge'wan-du* «на рассвете»; *waikta-du* ‘со звездами (ночью)’. Примеры (14)–(15) демонстрируют кодирование дательным падежом других типов дополнений: обстоятельства (14), причины (15).

- (14) *Doktori-du oktosi-go-i.*
 доктор-DAT лечить-PRF-1SG
 ‘Я лечился **у врача**’ [Anuj.14.010].

- (15) *Si M maŋga bi-mi, suu-du imi calugo-hi?*
 2SG сильный быть-GER солнце-DAT почему таять-2SG
 ‘Если ты сильный, почему таяшь **на солнце**’ [Kormushin.15.008].

Дательный падеж в сочетании с глаголом *bi* ‘быть’ обозначает определенный тип владения (16):

- (16) *Mama-du ‘o-i bie.*
 бабушка-DAT домашняя.птица-SS быть.PR
 ‘У бабушки есть домашняя птица’ [Baskakova.I.02.040].

Причастия в дательном падеже выражают зависимую предикацию со значением обстоятельства:

- (17) *‘Ai-wa tənə b’a-han-di-fəi umi-məi*
 водка-ACC впервые найти-PST-DAT-SS.PL пить-GER.PL
sokto-ho-ti.
 опьянеть-PST-3PL
 ‘Так как они **пробовали** водку в первый раз, то пили и опьянели’ [Anuj.05.0540].

Непросто решить, какие значения дательного падежа в удэгейском языке следует считать исходными. Удэгейский дательный падеж можно рассматривать как синтаксический падеж наряду с именительным и винительным. С другой стороны, используемый термин «дательный падеж» указывает на семантическую функцию этого падежа как на главную. При этом он является и пространственным падежом, а пространственные значения с точки зрения теории обычно рассматриваются как первичные [Heine 2008; Kulikov 2008]. Делались попытки объяснять особый статус дательного падежа, который является частично «структурным», а частично «семантическим», тем, что его базовым значением является значение ‘sentient affected entity’ ‘затронутый разумный участник» [Næss 2008, 576].

Я выделяю два первичных значения данного падежа: 1) третий участник ситуации; 2) точка в пространстве. Каждое из значений демонстрирует следующие семантические расширения:

- 1) Третий участник: бенефициант, реципиент → каузируемый в каузативной конструкции.
- 2) Точка в пространстве → точка во времени;
→ обстоятельство → причина → агенс в пассиве;
→ обладатель.

Местный падеж

Местный падеж маркируется суффиксом *-lA* для основ на гласный или суффиксом *-dulA / -dilA* (для основ на *-n*). Это прежде всего пространственный падеж. «Наиболее обычной функцией этого падежа является выражение пространственного местоположения (местоположение *в/на/в/чем-то* и движение *во что-то*, в отличие от направительного падежа, который выражает скорее направление к объекту)» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 714]. По мнению Кормушина, «Местный падеж кодирует местоположение, место прибытия и место действия» [Кормушин 1998, 87]. В действительности многие употребления этого падежа выходят за рамки представленных определений. Местный падеж кодирует не просто местоположение, а достигнутую цель движения, которая может быть расположена по-разному: на чем-л. (18); снаружи чего-л. (19); может быть частью чего-л. (20), располагаться внутри чего-л. (21) (подробнее о соотношении местного, дательного и направительного падежей см. в [Perekhval'skaya 2022a]).

- (18) *Mənə aka-la-i sindagi-a-ni b'ata-wa əmugə*
сам спина-LOC-SS взвалить-PST-3SG мальчик-ACC колыбель
giə=də.
СОМП=ФОС

‘Она взвалила колыбель с ребенком **на спину**’ [KY 1991.2].

- (19) *Ni-tigi goala-ŋi-miə=də uli-lə taŋd'a*
человек-DIR поворачивать-REV-GER=ФОС река-LOC тащить.PRF
bələntə.
девочка

‘Превратившись в человека, он вытащил девочку **из реки**’ [KY.1991.5].

- (20) *Ñutə-lə iktəmə-hə-ni.*
смола-LOC кусать-PST-3SG
‘(Он) откусил немного **от смолы**’ [Baskakova.V.02.005].
- (21) *Bəliə diəli-kca-mi kuga-la lafa-a-ni.*
девушка лететь-PRO-GER дымоход-LOC застрять-PST-3SG
‘Девушка, пытаясь улететь, застряла **в дымоходе**’
[Baskakova.I.03.080].

Таким образом, местный падеж в отличие от направительного (см. ниже) указывает на обязательное соприкосновение (контакт) с опорной точкой. Ср. еще примеры:

- (22) *Si əji matti-zi min-dulə sukia-jə.*
2SG эта веревка-INS 1SG-LOC связывать-IMP
‘Привяжите эту веревку **ко мне** (букв. «привяжите этой веревкой ко мне»)» [Baskakova.I.03.145].
- (23) *Ləətigə-wə dili-lə-ni zawa-’a=də juktasi-li-ə-ti.*
Летиге-ACC голова-LOC-3SG взять-PRF=FOC тащить-INC-PST-3PL
‘Они стали таскать Летиге **за голову (волосы)**’
[Baskakova.I.03.070].

Непространственные использования местного падежа являются расширением его пространственного значения. Словоформа *əxin-dilə-i* может быть переведена как ‘к своей сестре / у своей сестры’ и т. д. Перед нами случай метонимии ОБЪЕКТ = ПРОСТРАНСТВО, СВЯЗАННОЕ С ОБЪЕКТОМ; глагол *ηəni-ə-ni* ‘вернулся’ конкретизирует значение: ‘туда, где была / жила его сестра’.

- (24) *Əxin-dilə-i ηəni-ə-ni.*
сестра-LOC-SS.SG идти-PST-3SG
‘Он вернулся **к своей старшей сестре**’ [Baskakova.III.04.118].

Расширением пространственного значения местного падежа является также обозначение стимула при глаголах восприятия (25), средства восприятия (26), а также потерпевшего при глаголе *zooti-* ‘украсть (у кого-л.)’:

- (25) *Baa-la* *jahi bagdi-ga.*
 пространство.снаружи-LOC шум найти-PRF
 ‘Снаружи слышался шум’ [Baskakova.III.05.165].
- (26) *Bua buini=bədə bi-hi-wə jaa-la saa-za-hi.*
 природа зверь=like быть-PRP-ACC глаз-LOC знать-OPT-2SG
 ‘Ты (своими) глазами увидишь, что он подобен дикому зверю’
 [KY.1998.11].

Направительный (лативный) падеж

Направительный падеж маркируется суффиксом *-tigi* и указывает на ориентир, в направлении которого осуществляется действие. «Грамматика удэгейского языка» дает следующее определение: «Прототипическая функция лативного падежа состоит в том, чтобы выразить направление (...) Его расширенная функция в качестве дополнения заключается в выражении конечной точки во времени и, на еще более абстрактном уровне, цели. Латив также обозначает адресата некоторых глаголов передачи информации» [Nikolaeva, Tolskaya 2002: 124]. Это описание соответствует определению, данному Кормушиным: «Направительный падеж кодирует точку, к которой направлено движение, а также адресата речи» [Кормушин 1998: 87].

Приведенные определения не проясняют проблему разграничения функций между сферами употребления местного и направительного падежей. Главной отличительной особенностью является наличие или отсутствие контакта с ориентиром / целью действия.

Направительный падеж используется для указания направления, в котором осуществляется движение; он появляется с такими глаголами как, например, *xətigə-* ‘прыгать’, *tukti-* ‘карабкаться’. Обстоятельства в направительном падеже сочетаются с глаголами деятельности, выполняемой в определенном направлении: это переходные глаголы, например, глагол *wəndə-* ‘бросать’, который употребляется преимущественно с направительным падежом. Основное различие между использованием местного и направительного падежей зависит от того, достигнута ли цель. Рассмотрим примеры (27) и (28):

- (27) *Sama zugdi-tigi ə-hi-ni ɲənə.*
 шаман дом-DIR VNEG-PR-3SG идти

‘Шаман не идет **в дом**’ [Anuj.09.061].

- (28) *Ot'osi=tənə zaŋgä zugdi-lə-ni iigi-hə-ti.*
 затем=и начальник дом-LOC-3SG войти-PST-3PL

‘И тогда они вошли **в дом** начальника’ [Anuj.05.083].

В (27) используется форма направительного падежа *zugditigi* ‘в дом, в направлении дома’, поскольку цель не достигнута; в (28) цель движения достигнута, и используется местный падеж.

Направительный падеж имеет важную непространственную функцию, указывая на адресата с глаголами речи, что составляет около $\frac{1}{5}$ всех случаев употребления этого падежа.

Основные непространственные значения направительного падежа являются расширениями его пространственной функции. Это адресат речи (29), адресат эмоциональной активности (30) и направление восприятия (31).

- (29) *Ñazakta-i bi-isi=də, ñazakta-tigi*
 младший.брат-2SG быть-PC.DS=FOC младший.брат-DIR
gələ-musə-i.
 просить-CONJ-1SG

‘Если бы у тебя был младший брат, я бы попросил **младшего брата** (о тебе)’ [Baskakova.III.05.004].

- (30) *Xuñazi-ni tagda-ha-ni mafa-tigi-ni.*
 сестра-3SG сердиться-PST-3SG муж-DIR-3SG

‘Ее сестра рассердилась **на ее мужа** (не на своего)’

[Baskakova.II.09.029].

- (31) *Xatala bogoli-hə-ni, dəgdi-tigi-ni isəsi-hə-i.*
 девушка испугаться-PST-3SG лицо-DIR-3SG смотреть-PST-PP

‘Девушка, посмотрев **ему в лицо**, испугалась’

[Baskakova.V.08.012].

Направительный падеж также используется с глаголами *gualan-* ‘превращаться во что-л.’; *mafala-* ‘выходить замуж за кого-л.’.

Продольный падеж

Продольный падеж выражается суффиксом *-li* (для основ на гласный) или суффиксом *-duli (-dili)* (для основ на *-n*). Этот падеж также является, в первую очередь, пространственным и в этом качестве указывает на место, через, сквозь, вдоль или поперек которого осуществляется движение:

- (32) *Xoŋto xokto-li ɲəni-i-ni.*
 другой дорога-PROL возвращаться-PRP-3SG
 ‘Он возвращается другой **дорогой**’ [Anuj.09.066].

- (33) *Kukci ada-li-ni wəli-hə-ti.*
 Кукчи перевал-PROL-3SG перевалить-PST-3PL
 ‘**Через перевал** Кукчи перевалили’ [Baskakova.IV.08.021].

Непространственные употребления продольного падежа являются расширением его первоначальной функции. Продольный падеж указывает место, через или сквозь которое осуществляется действие, не являющееся движением:

- (34) *A-wa je-li zepte-uji? Aŋma-li-i diga-taiza.*
 это-ACC что-PROL есть-PRP.PASS рот-PROL-SS есть-DEL
 ‘**Чем** это едят? **Ртом** (своим) ешь, конечно.’ [Anuj.20.115-116].

- (35) *Uz'a 'ai-ni saŋa-li siinda-ha-ni.*
 Уза старший.брат-3SG дыра-PROL подсматривать-PST-3SG
 ‘А старший брат Узы **в дырочку** подсматривал’
 [Baskakova.I.01.048].

Продольный падеж указывает также на ориентир, в соответствии с которым осуществляется действие: по следам, в направлении звука или света:

- (36) *Mafa xokto-li-ni nəni-hə-ti.*
 медведь след-PROL-3SG идти-PST-3PL
 ‘Они пошли **по** медвежьим **следам**’ [Kormushin.20.048].

- (36) *Kəku kəkui-li-ni ηəni-hə-ni.*
 кукушка кукование-PROL-3SG идти-PST-3PL
 ‘На голос кукушки шел’ [Baskakova.IV.13.054].

Отложительный падеж

Отложительный падеж выражается суффиксом *-digi* для существительных всех классов. Его основная функция — это обозначение начальной точки движения:

- (37) *Bila-digi ηən-’ə-i.*
 Бира-AVL пойти-PRF-1SG
 ‘Я отправился из **Биры**’ [Ануж.13.001].
- (38) *Aiη’ai-digi aima diəli-hə-ni.*
 ельник-AVL рябчик лететь-PST-3SG
 ‘Из **еловой чащи** вылетел рябчик’ [Baskakova.V.05.021].
- (39) *Tokö-digi imaha ə-hi-ni imana, tigdə tigdəj-ni.*
 облако-AVL снег VNEG-PRP-3SG идти.снег дождь дождить-3SG
 ‘Из **облака** идет дождь, а не снег’ [МО.082].

Отложительный падеж может передавать временное значение: ср. наречия *odigi caixi* ‘отныне, с этих пор’ (букв. «отсюда дальше»), *utadigi* ‘потом’ (букв. «от этого»).

Расширением пространственного значения является обозначение источника получения чего-либо (41), происхождения из чего-либо, от кого-либо (41):

- (40) *Abuga-digi okto-wo gazu-gi-jə.*
 отец-AVL лекарство-ACC нести-REF-IMP
 ‘Принеси лекарство **от отца**’ [Baskakova.V.05.041].
- (41) *Mafa-digi səkə-hə-ti bisə.*
 Медведь-AVL вести.род-PST-3PL быть.PRF
 ‘Они ведут род **от медведя**’ [Ануж.02.004].

Отложительный падеж используется в сравнительных конструкциях: он указывает на объект сравнения:

- (42) *Od'o loho-ni bi loho-digi-i nic'a.*
 дед кинжал-3SG 1SG кинжал-ABL-1SG маленький
 'Шашка (кинжал) деда меньше **моей шашки**' [Baskakova. III.08.018].

Творительный падеж

Творительный (орудийный) падеж образуется путем прибавления суффикса *zi* для всех типов склонения. Это, главным образом, семантический падеж, кодирующий орудие совершения действия, средство передвижения, материал. Это довольно типичный кластер значений орудийного падежа. Х. Наррог предлагает считать инвариантом значения орудийного падежа значение «means» ('средство') [Narrog 2008].

В удэгейском языке представлены следующие значения творительного падежа: орудие совершения действия (43); часть тела, которой совершается действие (44); материал, из которого сделан предмет (45); средство передвижения (46):

- (43) *Maŋa s'äü-zi-ni uytudə-ə-ni.*
 медведь лопатка-INST-3SG стучать.в.бубен-PST-3SG
 'Она стучала в бубен медвежьей **лопаткой**' [Kormushin.19.054].
- (44) *Moŋ pahi-wa-ni ŋala-zi zawa-ha-ni.*
 дерево кусок-ACC-3Sg рука-INSTR брать-PST-3SG
 'Он взял **рукой** кусок дерева' [Anuj.20.034].
- (45) *Bui gäämaha-zi-ni tada-wa o-li-ho-ti.*
 зверь кость-INSTR-3SG стрела-ACC делать-INC-PST-3PL
 'Стали делать стрелы **из костей** животных' [Anuj.02.012].
- (46) *Bu gaha-zi xuli-u.*
 1PL.EXCL утка-INSTR ездить-1PL.EXCL
 'Мы **на утке** ездим' [Anuj.20.293].

Творительный падеж употребляется также в конструкциях совместного и взаимного действия. В таких конструкциях существительное в творительном падеже часто (но не всегда) выступает с наречием *gəjə* ‘вместе’:

- (47) *Utadigi zəŋgü-zi gəjə əjəŋ-kə-u.*
 затем начальник-INSTR вместе спускаться-PRF-1PL.EXCL
 ‘Затем вместе с начальником спустились вниз (по реке)’
 [Анцј.14.049].

Творительный падеж может выражать значения сопутствующих обстоятельств или образа действия (48):

- (48) *Kuliga-zi siŋə-zi əmdə-ni cul ŋənə-hə-ni.*
 змея-INSTR мышь-INSTR нора-3SG прямо.в идти-PST-3SG
 ‘Змеей, мышью прямо в нору нырнула’
 [Baskakova.III.06.071].

Присоединяясь к причастию прошедшего времени, творительный падеж оформляет зависимую предикацию, указывающую на способ совершения или цель действия:

- (49) *Minə-wə too-zi dagan-zi waa-laga-mi too-wə*
 1SG-ACC огонь-INSTR жечь.PP-INSTR убить-PURP-CV дрова-ACC
moolo-hi-jəu?
 заготавливать.дрова-2SG=Q
 ‘Ты дрова готовишь, чтобы меня убить, на огне сжечь?’
 [Baskakova.IV.18.014].

В примере (49) творительный падеж использован дважды: 1) с существительным *too* ‘огонь’ — *too-zi* ‘огнем, на огне’, где данный падеж маркирует средство действия (‘сжигать на огне’) и 2) с причастием от глагола *daga-* ‘жечь’, где кодируется цель действия (‘заготавливает дрова, чтобы сжечь’).

Некоторые глаголы эмоциональной активности также требуют творительного падежа: *ŋələ-* ‘бояться чего-л.’, *iŋə-* ‘смеяться над чем-либо’, *susa-* ‘спасаться от чего-л.’, *zoo-* ‘испытывать недостаток в чем-л.’:

- (50) *Od'o, sin-zi ηələ-mi ə-si-mi ii.*
 дед 2SG-INSTR бояться-GER VNEG-PST-1SG войти
 ‘Дедушка, я **тебя** боялась, вот и не зашла’ [Kormushin.30.245].

Назначительный падеж

Назначительный падеж образуется путем присоединения суффикса *-nA* и требует наличия притяжательного суффикса, личного или возвратного. Назначительный падеж маркирует предмет, который появляется в результате произведенного действия, при этом притяжательный суффикс указывает на будущего владельца предмета. Возвратный суффикс указывает на то, что производящий действие сам будет владельцем (51); личный притяжательный суффикс указывает на иное лицо (52):

- (51) *Bi sina-na-mi o-mi.*
 1SG котомка-DEST-SS делать-1SG
 ‘Я делаю себе **котомку**’ [MO.004].
- (52) *Vəfulə-du, sol'o-du zogzo-no-ti cətsət*
 королек-DAT поползень-DAT клюв-DEST-3PL острый
o-o-ni.
 делать-PST-3SG
 ‘Корольку и поползню, он сделал (им) острые **клювы**’
 [Folklor.03.006].

Если речь идет о человеке, назначительный падеж указывает на новую роль данного человека, а притяжательный суффикс — на то лицо или группу лиц, которые будут связаны с данным человеком в его новой роли, ср.:

- (53) *Od'o tata=da sitə-nə-ti bi-zəyə-hi.*
 старик старушка=и ребенок-DEST-3PL быть-FUT-2SG
 ‘Ты старику и старушке **ребенком** будешь’ [KY 1991].
- (54) *Bi tənə mafa-na-mi galakta-zə-mi*
 1SG REFL муж-DEST-SS искать-OPT-1SG
 ‘Я пойду **себе мужа** искать’ [Baskakova.IV.12.004].

Чаще всего назначительный падеж появляется с относительными существительными, обозначающими термины родства (53), (54), части тела (52), личные вещи (51). Если же этот падеж выступает с автосемантическими существительными, перед суффиксом падежа ставится показатель отчуждаемой принадлежности *-ji-*:

- (55) *Mənə-mənə səð-ni b'äsa-ji-na-fäi zawa-a-ti.*
 RECIP род-3SG река-AL-DEST-SS-REFL.PL брать-PST-3PL

‘Каждый из родов захватил **себе реку** (то, что станет его рекой)’.

3. Языковой сдвиг и падежи

3.1. «Традиционный» и современный удэгейский

На следующем этапе работы сравнивались данные: 1) традиционного удэгейского языка, который не испытал сколько-нибудь значительного влияния со стороны русского языка, и 2) современного удэгейского, в котором проявляются все признаки языкового сдвига. Следует заметить, что в настоящее время носителей традиционного удэгейского языка уже нет. Те, кто сейчас говорит по-удэгейски, принадлежат к самому старшему поколению в возрасте 80 лет и старше. Несмотря на то, что их родным (первым) языком был удэгейский, впоследствии возможность использовать его во взрослой жизни оказалась очень ограниченной. В результате русский язык стал доминирующим, а удэгейский подвергся значительному русскому влиянию, см. [Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001].

Были проанализированы устные рассказы современных носителей удэгейского языка, а также современные письменные источники.

Следует заметить, что во время записи устных рассказов и тем более при подготовке письменных текстов на удэгейском языке информанты, носители языка, старались по возможности избегать русских заимствований. Тем не менее их язык значительно отличается от языка, задокументированного в 1920–1960-е годы. Эти отличия

касаются всех языковых уровней, от грамматики до лексической семантики.

Проиллюстрирую сказанное следующим примером из автобиографической повести А. А. Канчуга «Багдисэ хокто тэлуцуни» ('Рассказ о жизненном пути'), пример (56).

- (56) *Min-du iliṅnti aṅani ḡṅṅ-li-ḡ-ni.*
 1SG-DAT третий год идти-INC-PST-3SG
 'Мне шел третий год' [Канчуга].

Эта фраза является точной калькой русского «Мне шел третий год»; единственное различие состоит в порядке слов. Такая фраза была бы невозможна в традиционном удэгейском по целому ряду причин. В традиционном языке не существовало метафоры ВРЕМЯ = ДВИЖУЩИЙСЯ ПРЕДМЕТ, поэтому период времени не мог «идти». Существительное *aṅani* обозначало 'календарный год', для подсчета лет использовалось другое слово, а именно *səḡ* 'год (возраста)'. Дательный падеж не употреблялся в такого рода конструкциях.

Еще пример из сказки «Маṅга Нэку» ('Храбрый Нэку'), переведенной с русского языка Н. И. Андреевой. Дается описание осени в тайге:

- (57) *Moḡ aḡala-ma zua-ma tḡḡ-wḡ asukta-gi-i-ni,*
 дерево лучший-ADJ лето-ADJ одежда-ACC снимать-REF-PRP-3SG
aḡa bolo-pti tḡḡ-wḡ tḡti-gi-i-ti.
 хороший осень-ADJ одежда-ACC надевать-REF-PRP-3PL
 'Деревья снимают лучшую летнюю одежду, снова надевают хорошую осеннюю одежду' [Андреева].

Дополнительной сложностью перевода является то, что оригинал (в данном случае — русский) навязывает определенные значения, и перед переводчиком стоит задача создания новых языковых средств для передачи этих значений, которые традиционный удэгейский не передавал. К таким относится, например, красочное описание природы. Приведу оригинал: «Снимают деревья наряд летний,

надевают наряд осенний»⁵. Переводчик, учитель удэгейского языка, создает два неологизма *zua-ma* ‘летний’ и *bolo-pti* ‘осенний’, которые невозможны в традиционном удэгейском. Слова *zua* и *bolo* являются наречиями со значением ‘летом’ и ‘осенью’ и, соответственно, не могут присоединять словообразовательные суффиксы существительных. Для создания несуществующих в традиционном удэгейском прилагательных ‘летний’ и ‘осенний’ использованы отыменные суффиксы *-ma* и *-pti*. Первый имеет два основных значения: указывает на 1) материал, из которого сделан предмет (*səulə-mə təgə* ‘шелковый халат’, *taluga-ma ugda* ‘оморочка из бересты’) или 2) происхождение, природу живого существа (*b’ata-ma sitə* ‘ребенок-мальчик’, *əxi-mə tam’asa* ‘жена-лягушка’). Еще менее подходящим является суффикс *-pti*, в современном языке он непродуктивен и представлен, главным образом, в существительных: *wopti* ‘дверь’, *uḥapti* ‘кольцо’, и т. д. По-видимому, переводчик ориентировался на единственное в своем роде прилагательное *anapti* ‘прежний’, связанное с наречием *anana* ‘раньше, в старые времена’. Кроме того, в разбираемом предложении употреблен глагол в форме 3 л. мн. ч. *tətiḡiiti* ‘снова надевают’, хотя формы множественного числа в традиционном удэгейском могли относиться только к людям, но никак не к деревьям.

3.2. Падежи в современном удэгейском

В данном разделе рассматривается употребление падежей в современных вариантах удэгейского языка. Рассмотрены 1) употребление трех пространственных падежей; 2) изменение управления некоторых удэгейских глаголов.

При контакте языков, обладающих падежными системами, могут реализоваться различные типы языковой интерференции (см. [Jonason 2008]). Удэгейскому языку не свойственны прямые заимствования падежных суффиксов, речь идет о калькировании

⁵ Диана Слипецкая. Сказания земли Амурской. Храбрая Нэку. *Дальний Восток*. 2022. № 6. С. 219–229.

конструкций. Падежи удэгейского языка приводятся в соответствие с конкретными русскими падежами (или конкретными функциями какого-то падежа). Следует заметить, что падежные системы удэгейского и русского языков совпадают не полностью, но все же достаточно близки, если учесть, что в русском языке имеется не 6 традиционно выделяемых падежей, а, по крайней мере, 8, с учетом местного и «частичного» (партитив) падежей [Аркадьев 2009]. Эта ситуация значительно упрощает употребление удэгейских падежей по русской модели.

3.3. Пространственные падежи: дательный, местный, направительный

Выше было показано, что в традиционном удэгейском выбор одного из трех пространственных падежей подчиняется определенным правилам. Дательный падеж обозначает состояние покоя, чаще всего он сочетается с глаголом *bi-* ‘быть, жить’ (около 1/3 всех пространственных употреблений). Местный падеж выражает достигнутую цель. Местный падеж не указывает на точную локализацию действия, которая может быть уточнена при помощи пространственных послелогов. Различие между местным и направительным падежами зависит от того, достигнута ли цель. Выбор падежа может зависеть также и от того, воспринимается ли действие как законченное.

В современном удэгейском эти правила нарушаются. Однако использование трех рассматриваемых падежей не становится хаотичным, оно организовано по русскому образцу. Удэгейский дательный сопоставляется с русским дательным без предлога и утрачивает пространственную функцию, обозначая лишь «третьего участника». В современном удэгейском местный падеж соответствует русскому предложному в пространственной функции или русскому местному падежу. Направительный падеж приведен в соответствие с русским винительным падежом с предлогом в его пространственной функции (обозначение направления движения).

Таблица 3. Соответствие трех пространственных падежей удэгейского языка русским падежам в современных вариантах удэгейского

Table 3. Correspondencies between the three spatial cases in modern Udihe varieties and Russian cases

Современный удэгейский	Русская модель	Значение в современном удэгейском языке
Дательный	Дательный без предлога	третий участник ситуации
Местный	Местный Предложный в пространственной функции	место совершения действия
Направительный	Винительный с предлогом в пространственной функции	направление движения

В современном удэгейском направительный падеж указывает на направление движения, независимо от того, достигнута цель или нет, ср. пример (58).

- (58) *Əniḡ mina-wa naa-tigi tinda-ga.*
 мать 1SG-ACC земля-DIR опустить-PRF
 ‘Мать опустила меня **на землю**’ [Канчуга].

В (58) используется дополнение в направительном падеже *naa-tigi* ‘на землю’, хотя цель достигнута. В традиционном узусе здесь был бы употреблен местный падеж. Стоит отметить, что в корпусе удэгейского языка форма *naa-tigi* засвидетельствована только один раз: пример (59).

- (59) *Kindəkındə naa-tigi xətigə-hə-ni.*
 кое.как земля-DIR прыгать-PST-3SG
 ‘Он кое-как спрыгнул **на землю** (прыгнул в сторону земли)’
 [Baskakova.III.10.006].

В (59) герой убегает из места заключения, расположенного высоко над землей: ночью он прыгнул «в сторону земли». Таким образом, использование направительного падежа здесь оправдано.

Пример (60) иллюстрирует использование местного падежа для кодирования действия, привязанного к определенному месту, которое в традиционном удэгейском должно передаваться дательным падежом.

- (60) *Doumi-lə əgdi ñaula sugzä-wa aki-si-ti*
 мост-LOC много мальчик рыба-ACC колотить-DUR-3PL
məimə-zi.
 острога-INS

‘На мосту много мальчиков кололи рыбу острогой’ [Канчуга].

В предложении (60) к тому же нарушен порядок слов: инструментальное дополнение *məimə-zi* ‘острогой’ должно занимать позицию перед прямым объектом.

В традиционном удэгейском глагол *ii(gi)-* ‘достигать’ требует местного падежа. В современном удэгейском этот глагол используется с направительным падежом, как в (61).

- (61) *Eta sələmə kuai zuk-tigi ii-ə-ni.*
 этот железный чудовище дом-DIR достигать-PST-3SG

‘Эта Железная Птица в дом вошла’ (КЯ 2011).

Под русским влиянием местный падеж в удэгейском языке стал употребляться с глаголом *bagdi-* ‘быть, жить’ (62), который требовал в традиционном удэгейском употребления дательного падежа.

- (62) *Uti zugdi-lə aziga, xatala bagdi-i-ni.*
 этот дом-LOC девочка девушка жить-PRP-3SG

‘В этом доме девочка, девушка живет’ [КЯ 2011].

Интересно, что в том же тексте (Сказка «Железная птица», рассказана Л. Б. Симанчук) песенная вставка (63) содержит употребление в той же функции дательного падежа (что соответствует прежнему узусу).

- (63) *Kanda mafə ηəi-ηəi* Старик Канда нэй-нэй
Sitaiaη ηəi-ηəi Его сын нэй-нэй
zukdu biηə ηəi-ηəi Дома находится нэй-нэй

Песенные вставки, как и ожидается, содержат более архаичные формы.

3.4. Изменение управления глаголов

В данном разделе рассмотрены случаи, когда традиционный удэгейский и русский языки значительно расходятся в управлении глаголов непространственной семантики. Это, прежде всего, касается глаголов речи и эмоциональной деятельности.

В традиционном удэгейском адресат речи при глаголах говорения *gunə-* ‘сказать’, *di(y)ana-* ‘говорить’, *təluŋusi-* ‘рассказывать’ кодировался направительным падежом; в современном удэгейском он всегда кодируется дательным по русскому образцу, ср. (64)

- (64) *Əmə-gi-ə-si, təluŋusi-ə-mi abugə-du.*
 прийти-REV-PP-PC.SS рассказать-PST-1PL.EXCL отец-DAT
 ‘Вернувшись, мы рассказали (об этом) отцу’ [Канчуга].

Глагол *xauntasi-* ‘спрашивать’ в традиционном узусе также требовал направительного падежа. В современном употреблении вслед за русским языком («спросить у кого-л.») употребляется местный падеж, ср. пример (65):

- (65) *Uta-wa bi xauntasi-ə-mi abugə-lə əniŋə-lə=də.*
 этот-ACC 1SG спрашивать-PST-1SG отец-LOC мать-LOC=and
 ‘Я спросил об этом отца и мать’ [Канчуга].

Употребление дательного падежа с глаголами речи, по существу, является лакмусовой бумажкой наличия значительного влияния доминирующего русского языка на удэгейский. Кроме того, (64)–(65) демонстрируют и другие отклонения от грамматических правил традиционного удэгейского: нарушен порядок слов; вместо референтных терминов *ami-* ‘отец’ и *əni-* ‘мать’ используются апеллятивы *abuga* ‘папа’ и *əniŋə* ‘мама’.

Многие глаголы эмоциональной активности имели в традиционном удэгейском управление, не совпадающее с русским. Так, глаголы

ɲələ- ‘бояться чего-л.’, *iñə-* ‘смеяться над чем-либо’, *susa-* ‘спасаться от чего-л.’, *ʒoo-* ‘испытывать недостаток в чем-л.’ требовали дополнения в творительном падеже. В современных вариантах удэгейского языка такие глаголы часто меняют управление, калькируя русскую модель, либо подменяются калькой русской безличной конструкции с дательным субъекта: *mindu ñumzi* ‘мне интересно’, *mindu səuni* ‘мне страшно’, *mindu ug'ai* ‘мне тяжело’.

Для примера приведу отрывок из перевода книги А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» на удэгейский язык (перевел А. А. Канчуга):

- (66) *«Kuti-zigə min-du səuni əi biə, bi täsi*
тигр-PL 1SG-DAT страшный NEG быть 1SG полный
ɲələ-i-mi pogdo ədi-wə. Sun-dulə anči širmə?»
бояться-PRP-1SG пронзать ветер-ACC 2PL-LOC нету ширма
«Naa-digi bagdi-u-lə bi-miə, pogdo ədi-zi
земля-ABL расти-PASS-LOC быть-GER пронзать ветер-INSTR
ɲələ-ini... kutu səbu... muisi-ndə-ni Dica
бояться-3SG очень удивительный думать-SEM-3SG маленький
*princə. «Onofi ugui xahakterə-ni əi ila-la».*⁶
принц какой тяжелый характер-3SG этот цветок-LOC

«Тигры мне не страшны. Я очень боюсь пронизывающего ветра. У вас нет ширмы?» «Родившись из земли, боится пронизывающего ветра? Удивительно, — подумал Маленький принц. — Какой тяжелый характер у этого цветка». [Канчуга.МП].

В приведенном отрывке глагол *ɲələ-* ‘бояться’ употреблен дважды с одним и тем же дополнением *ədi* ‘ветер’, однако в первом случае это дополнение стоит в винительном падеже (*ədiwə*), а во втором случае — в творительном (*ədizi*). В русском языке глагол *бояться* требует

⁶ Перевод сделан через посредство русского языка: «Маленький принц» в переводе Норы Галь. Данный отрывок в русском переводе: «Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?» «Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

родительного падежа, аналогов которому в удэгейском нет. Можно считать, что в первом случае мы все же имеем дело с калькой с русской конструкции, использование же творительного падежа соответствует старому узусу. Заметим, что эти два употребления разделены лишь парой строк. Это показывает, что в современных вариантах удэгейского не выработался устойчивый узус.

Укажу на другие несоответствия традиционному узусу в данном отрывке. *Kuti-zigə* ‘тигры’ — употреблен суффикс множественности, который может относиться только к людям. *Mindu səuni* ‘мне страшно’ — калькируется безличная конструкция с субъектом в дательном падеже. В удэгейском языке дательный падеж не имел такой функции.

Русское слово *сквозняк* А. А. Канчуга переводит как *pogdo ədi*. Глагол *pogdo-* имеет значения ‘прокалывать, пронзать’. Мне представляется, что с грамматической точки зрения было бы лучше использовать причастие *pogdo-i ədi* ‘пронизывающий ветер’; что же касается лексической семантики, то это очевидная калька с русского «пронизывающий ветер» (а не сквозняк).

Sundulə anči širmə? — буквальный перевод «У вас нет ширмы?». В удэгейском не было вопросительных предложений такого типа со словом *anči* ‘нету, не имеется’. Данное предложение, скорее всего, было бы переведено как *Sindu širmə biə?* ‘У тебя есть ширма?’.

Глагольную форму *muisi-ndə-ni* с семельфактивным суффиксом *-ndA* можно приблизительно перевести как «думнул». В традиционном языке значение «подумал» передается формой *muisi-li-ə-ni* с инхоативным суффиксом.

Я ограничилась разбором одного небольшого отрывка из перевода, но подобным образом можно было бы разобрать и любой другой отрывок данного текста. Следует заметить, что язык книг А. А. Канчуга, которые не являются переводами с русского, в целом значительно ближе к традиционному удэгейскому, чем переводы, сделанные им же. Точно так же в тех частях автобиографической повести, где речь идет о семье, о традиционных занятиях удэгейцев, где слово дается старшим, которые рассказывают о событиях прошлого, практически нет русских заимствований и меньше калькирования.

В тех частях, где повествуется об обучении в интернате, о знакомстве с городским миром, заимствования неизбежно появляются и возрастает количество калек русских конструкций.

Таким образом, в употреблении падежей, как и в других областях грамматики, наблюдается тенденция к установлению одностороннего изоморфизма между единицами «угнетенного» языка и единицами доминирующего языка [Anderson 2001]. Несомненно, это одно из проявлений языковой аттриции.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; AVL — отложительный падеж; ACC — винительный падеж; AL — отчуждаемая принадлежность; AND — андатив; DAT — дательный падеж; DEST — назначительный падеж; DIR — направительный падеж; DUR — длительность; INCL — инклюзив; FOC — фокус; FUT — будущее время; GER — герундий; IMP — императив; INCL — инклюзивное местоимение; INC — инхоатив; INS — инструментальный падеж; LOC — местный падеж; OPT — оптатив; PC — конверб прошедшего времени; PL — множественное число; PP — причастие прошедшего времени; PRF — перфект; PRO — перспектив; PRP — причастие настоящего времени; PST — прошедшее время; REF — рефактив; REFL-рефлексив; REV — реверсив; SG — единственное число; SS — соотнесение с субъектом; SUBJ — сослагательное наклонение; VNEG — отрицательный глагол.

Литература

- Аркадьев 2009 — П. М. Аркадьев. Падежи в языках мира // Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева (ред.). Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007 и 2008. М.: МЦНМО, 2009. С. 59–71.
- Зиндер 1948 — Л. Р. Зиндер. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 6. С. 579–581.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.

- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. М.: Наука, 2008.
- Певнов 2017 — А. М. Певнов. Этимология самоназвания ороков // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 886–892.
- Певнов 2020 — А. М. Певнов. О происхождении самоназваний эвенков // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 744–755.
- Певнов 2022 — А. М. Певнов. Этимология некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 2. С. 23–44.
- Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализованные гласные в диалектах удэгейского языка // *Вопросы языкознания*. 2010. № 6. С. 60–87.
- Радченко 1988 — Г. Л. Радченко. Спорные вопросы фонетики удэгейского языка // М. Д. Симонов (ред.). *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам*. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. С. 35–43.
- Симонов 1988 — М. Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // М. Д. Симонов (ред.). *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам*. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. С. 44–88.
- Anderson 2001 — G. Anderson. Language Contact and Macro-Areal Typological Change: Complex Sentence Structure in Siberia/Northern Eurasia. Presentation made on the 28th of February at the Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft, Leipzig.
- Butt 2008 — M. Butt. Modern approaches to case: an overview // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27–43. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. The case for case // E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. Pt. 2. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–25.
- Heine 2008 — B. Heine. Grammaticalization of Cases // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 458–469. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0030.
- Hölzl 2018 — A. Hölzl. Udi, Udihe, and the languages of the Kyakala // *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction*. 2018. № 15. P. 111–146. DOI: zora.uzh.ch/cgi/oai2.
- Janhunen 2012 — J. Janhunen. The expansion of Tungusic as an ethnic and linguistic process // A. Malchukov, L. J. Whaley (eds.). *Recent advances in Tungusic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 5–16.

- Jonason 2008 — L. Jonason. Case and contact linguistics // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 494–501. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0033.
- Kulikov 2008 — L. Kulikov. Evolution of case systems // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 439–457. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0029.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Rare and ‘exotic’ cases // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 635–648. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0045.
- Næss 2008 — Å. Næss. Varieties of Dative // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 573–580. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Narrog 2008 — H. Narrog. Varieties of Instrumental // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 593–600. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0041.
- Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya. Udihe under Russian Influence: Effects of Endangerment on the Language Grammar. Presentation made on the 30 of August 2001 on the SKY Symposium “Linguistic Perspectives on Endangered Languages”, Helsinki. URL: <http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/el/endabs.htm> (дата обращения: 16.07.2020).
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *Grammar of Udihe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Nikolaeva 2000 — I. Nikolaeva. The Vocalic system of Udihe // *Eurasian Studies Yearbook*. 2000. № 72. P. 114–142.
- Perekhval'skaya 2022a — E. V. Perekhval'skaya. Spatial cases in Udihe. Corpus analysis // E. Dal Corso, S.-U. Kim (eds.). *Language Endangerment and Obsolescence in East Asia. China, Japan, Siberia, and Taiwan. (Languages of Asia. V. 27)*. Leiden: Brill, 2022. P. 58–84. DOI: 10.1163/9789004523944_004.
- Perekhval'skaya 2022b — E. V. Perekhval'skaya. From consonant to tone: Laryngealized and pharyngealized vowels in Udihe. // A. Hözl, T. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: Past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 227–262. DOI: 10.5281/zenodo.7025328.
- Perekhval'skaya, Janhunen 2024 — E. V. Perekhval'skaya, J. Janhunen. Udihe // A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. New York: Routledge, 2024. P. 326–363. DOI: 10.4324/9781315728391-13.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus*. Photogravured from the manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

Источники

- Андреева — Н. И. Андреева. Маңга Нэку. Перевод на удэгейский язык сказки Д. Слипецкой «Храбрая Нэку». Рукопись. 2022.
- Канчуга — А. А. Канчуга. Багдисэ хокто тэлунуни. Автобиографическая повесть. Ч. I. Детство. (Исследования по тунгусоведению 22). Саппоро: Nakanishi Co., 2003.
- Канчуга.МП — А. А. Канчуга. Ёица принцэ. Перевод на удэгейский язык книги А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц». (Исследования по тунгусоведению 46). Саппоро: Nakanishi Co., 2009.
- Anuj — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. И. Г. Смидовича. Вып. 11. М.; Л., 1937.
- Baskakova — Е. Н. Баскакова. Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Баскаковой Е. в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.
- Folklor — Фольклор удэгейцев: ниманку, тэунугу, эхэ (сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18. Новосибирск: Наука, 1998.
- Kormushin — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- KY — полевые материалы, собранные в пос. Красный Яр (Пожарский р-н).
- MO — Minti oŋofi. Наша грамота. Книга по обучению грамоте на языке удэ. Составил Е. Р. Шнейдер. Л.: Учпедгиз, 1932.
- Shneider — Е. Р. Шнейдер. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л.: Ленинградское отделение ОГИЗ, 1935.

References

- Anderson 2001 — G. Anderson. *Language Contact and Macro-Areal Typological Change: Complex Sentence Structure in Siberia / Northern Eurasia*. Presentation made on the 28th of February at the Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft, Leipzig.
- Arkadyev 2009 — P. M. Arkadyev. Padezhi v yazykakh mira [Cases in the languages of the world]. E. V. Muravenko, A. Ch. Piperski, O. Yu. Shemanaeva. *Lingvistika dlya vsekh: Letniye lingvisticheskiye shkoly 2007 i 2008* [Linguistics for everyone: The summer linguistic schools in 2007 and 2008]. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education, 2009. P. 59–71.

- Butt 2008 — M. Butt. Modern approaches to case: an overview. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27–43. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. The case for case. E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. Pt. 2. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–25.
- Heine 2008 — B. Heine. Grammaticalization of Cases. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 458–469. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0030.
- Hölzl 2018 — A. Hölzl. Udi, Udihe, and the languages of the Kyakala. *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction*. 2018. № 15. P. 111–146. DOI: zora.uzh.ch/cgi/oai2.
- Janhunen 2012 — J. Janhunen. The expansion of Tungusic as an ethnic and linguistic process. A. Malchukov, L. J. Whaley (eds.). *Recent advances in Tungusic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 5–16.
- Jonason 2008 — L. Jonason. Case and contact linguistics. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 494–501. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0033.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy yazyk* [The Udihe language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Kulikov 2008 — L. Kulikov. Evolution of case systems. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 439–457. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0029.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka. Strukturnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty*. [Syntax of the Even language. Structural, semantic, communicative aspects]. Moscow: Nauka, 2008.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Rare and ‘exotic’ cases. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 635–648. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0045.
- Næss 2008 — Å. Næss. Varieties of Dative. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 573–580. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Narrog 2008 — H. Narrog. Varieties of Instrumental. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 593–600. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0041.
- Nikolaeva 2000 — I. Nikolaeva. The Vocalic system of Udihe. *Eurasian Studies Yearbook*. 2000. № 72. P. 114–142.

- Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya. *Udihe under Russian Influence: Effects of Endangerment on the Language Grammar*. Presentation made on the 30 of August 2001 on the SKY Symposium “Linguistic Perspectives on Endangered Languages”, Helsinki. Available at: <http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/el/endabs.htm> (accessed on 16.07.2020).
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *Grammar of Udihe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Perekhval'skaya 2010 — E. V. Perekhval'skaya. Aspirirovannye i glottalizovannye glasnyye v dialektakh udegeyskogo yazyka [Aspirated and glottalized vowels in the dialects of the Udihe language]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2010. No. 6. P. 60–87.
- Perekhval'skaya 2022a — E. V. Perekhval'skaya. Spatial cases in Udihe. Corpus analysis. E. Dal Corso, S.-U. Kim (eds.). *Language Endangerment and Obsolescence in East Asia. China, Japan, Siberia, and Taiwan*. (Languages of Asia. V. 27). Leiden: Brill, 2022. P. 58–84. DOI: 10.1163/9789004523944_004.
- Perekhval'skaya 2022b — E. V. Perekhval'skaya. From consonant to tone: Laryngealized and pharyngealized vowels in Udihe. A. Hözl, T. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: Past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 227–262. DOI: 10.5281/zenodo.7025328.
- Perekhval'skaya, Janhunen 2024 — E. V. Perekhval'skaya, J. Janhunen. Udihe. A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. New York: Routledge, 2024. P. 326–363. DOI: 10.4324/9781315728391-13.
- Pevnov 2017 — A. M. Pevnov. Etimologiya samonazvaniya orokov [Etymology of the self-designation of the Oroks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 886–892.
- Pevnov 2020 — A. M. Pevnov. O proiskhozhdenii samonazvaniy evenkov [On the origin of the self-designations of the Evenks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 3. P. 744–755.
- Pevnov 2022 — A. M. Pevnov. Etimologiya nekotorykh nazvaniy narodov basseyna Amura i Sakhalina [Etymology of some names of the peoples of the Amur and Sakhalin basin]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2022. No. 2. P. 23–44.
- Radchenko 1988 — G. L. Radchenko. Spornyye voprosy fonetiki udegeyskogo yazyka [Controversial issues in Udihe phonetics]. M. D. Simonov (ed.). *Istoriko-tipologicheskyye issledovaniya po tunguso-manchzhurskim yazykam*. [Historical and typological studies on the Tungus-Manchu languages]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988. P. 35–43.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus*. Photogravured from the manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

- Simonov 1988 — M. D. Simonov. Fonologicheskaya sistema udegeyskogo yazyka [The Phonological system of the Udihe language]. M. D. Simonov (ed.). *Istoriko-tipologicheskiye issledovaniya po tunguso-manchzhurskim yazykam* [Historical and typological studies on the Tungus-Manchu languages]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988. P. 44–88.
- Zinder 1948 — L. R. Zinder. Eksperimentalnoye izucheniye fonetiki severnykh yazykov [Experimental study of the phonetics of Northern languages]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka*. 1948. Vol. VII. Iss. 6. P. 579–581.

Получено / received 06.03.2024

Принято / accepted 25.09.2024